

Магнитка не оставляет в беде своих солдат

ПОЛГОДА НА ЦЕПИ В ОВЧАРНЕ

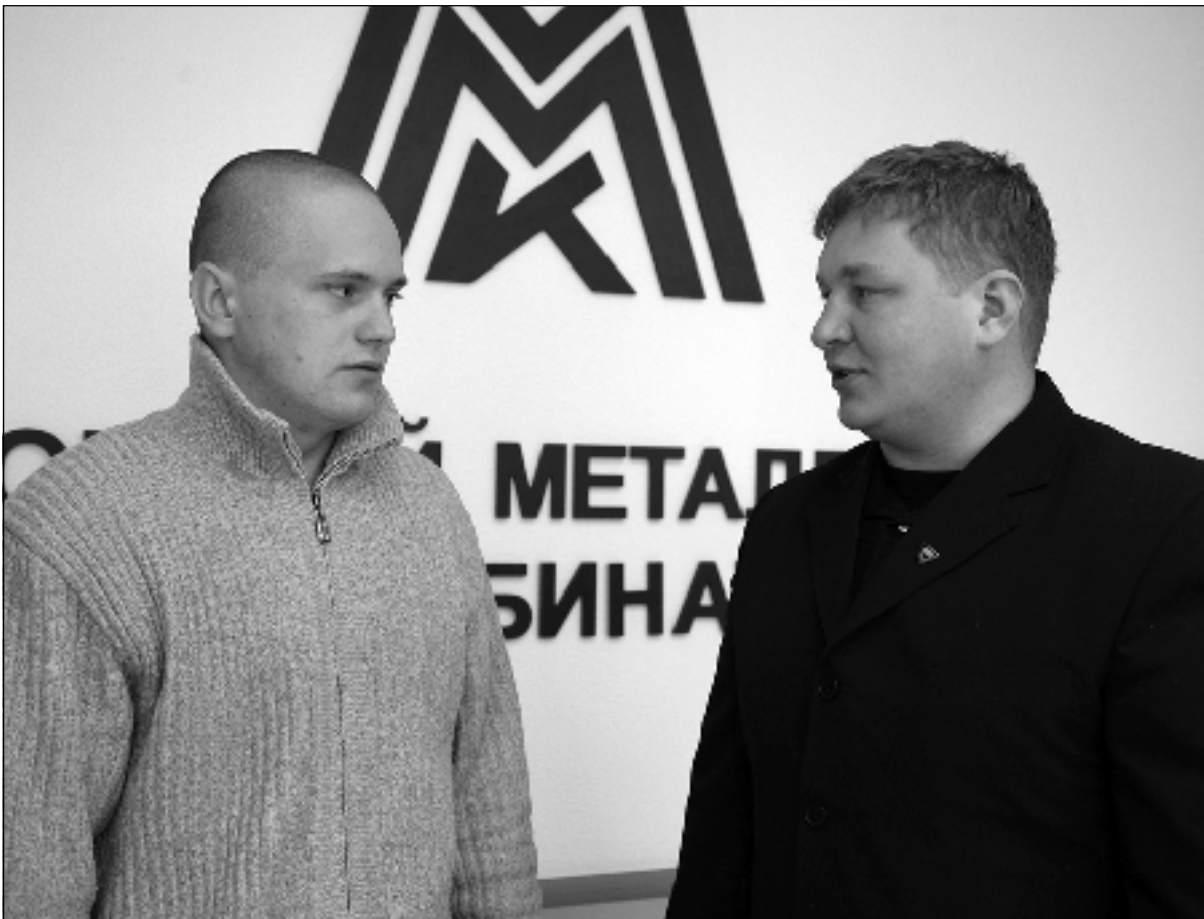

ФОТО ЕВЕНИЯ РУМАЛОВА

КТО-ТО из фронтовиков рассказывал, что война по большей части состоит из быта: просушить портянки, дождаться обеда, найти, чем пришить пуговицу – не беспрерывный же бой.

Да и большинство действий в промежутках между сражениями привычны с детства: так же ходишь, бежишь, плывешь, копаешь. Одно неестественно: ты не волен быть, где хочешь, и делать, что нравится. Вообще не волен жить. В рассказе магнитогорского солдата-срочника Александра Смирнова о пребывании в плену и освобождении поражают именно обыденность войны и ее тесная связь с мирной жизнью.

В Дагестанском Буйнакске он прослужил около месяца. В послужном списке уже были полгода учебки в Свердловской области, звание младшего сержанта и должность оператора боевой разведывательной машины. Была возможность задержаться в учебке, но – при столовке. Брат Алексей в свое время несколько месяцев в Чечне служил, а он что, будет рассказывать – как на кухне служил? В общем, в Дагестан он отправился с легким сердцем: и армия, и не война. Правда, боевых действий и там хватало: то колонну обстреляют, то взрыв.

В тот вечер ребят направили сопровождать груз, а он с товарищем остался дневальным по палатке: часть расплагалась в палаточном городке без ограждений. Вечером парень пошел в туалет. Дошел ли – не помнит: очнулся в чужом месте среди незнакомых людей кавказской и славянской внешности. Говорили на непонятном языке и по-русски – кто ломано, кто чисто, как на

родном: похоже, наемники из «наших».

– Мы твои ангелы-хоронители, – мрачно пошутили на его вопрос «Вы кто?» – Хорошишь тебя будем.

Посетил его как-то один с иностранным акцентом, интересовался, как с ним обращаются. Слышны были иногда разговоры похитителей между собой и по рации о боевых действиях.

Полгода, кроме этой группы людей, он видел лишь баранов – парня держали на цепи в овчарне. Открывали замок, только чтобы выпустить в туалет – тогда он видел горы. Месяцем раньше, когда направили в Дагестан, он радовался: горы! Кавказ и правда порадовал: кроме гор, еще и Каспийское море. Теперь он красоты пейзажа не замечал – понимал, что у него самого будущего нет. Были унижения, насмешки, угрозы. Вначале били его, «неверного», остались шрам от раны, уже поджившей, но разорванной от удара. Бородач, руководивший отрядом, был недоволен «качеством» пленника, ругал своих: мол, служащего искать будут. Что с ним делать, похоже, не знали: никаких требований не выдвигали.

Искать в Магнитке его стали недели через две – командир части звонил Смирновым из Дагестана. Начал с того, что их сын самовольно покинул часть, расспрашивал: не дома ли, не приженился ли на Кавказе, не собрался ли на море. Родители в Сашино дезертирство не верили. Мама взяла поиски сына на себя: отец работает. Чтобы найти Сашу, Тамара Григорьевна стучалась во все двери, сама обратилась в военкомат и военную прокуратуру. Выслушивала нехорошие намеки, кто-то ночью дежурил у дома, соседи

рассказывали – их расспрашивали, не видели ли недослужившего солдата дома, а они: «Какое там, мать что ни день – в слезах». Приходил чиновник из числа тех, к кому Смирновы обращались за помощью, как бы случайно обошел квартиру и – попросился со словами: «Ничем помочь не можем». Получалось: на случай дезертирства у органов есть алгоритм действий, а для розыска пленника – не инструктированы.

Тамара Григорьевна не оставила поисков – официальными и материнскими путями. Написала в редакцию телепрограммы «Жди меня» – там приняли обращение, была у гадалки – она обнадежила. В комитете солдатских матерей узнала о «Боевом братстве» – всероссийской организации ветеранов боевых действий и локальных конфликтов. Магнитогорское отделение под руководством Влада Третьяка в то время только формировалось, так что о беде Смирновых сразу повестили и руководителя челябинского отделения Василия Катанэ. И вдруг – звонок от Саши, почти через полгода безвестности. Позвонил брату Алексею: «Бежал из плена, не знаю, куда теперь».

Как освободился, кто выручал в победе – об этом в газете нельзя: случайные помощники – да продлятся их годы, как говорят на Кавказе, – могут поплатиться за доброту. Из Сашиного рассказа о дороге из плена, начавшейся, по его подсчетам, примерно с восьмого декабря, можно упомянуть лишь несколько фрагментов. Убегая, прихватил телефон боевиков – с него и дозволился брату, через него же принял звонок Василия Катанэ – брат предупредил откликаться

только на его вызов. Тот обещал содействие, но пока приходилось надеяться только на себя и солдатскую удачу, да и батарея у телефона села. Позднее, по совету ветеранов боевых действий, принимавших участие в его спасении, он выбросил бандитскую «снимку» из телефона: меньше знаешь – целее будешь.

Саша бежал два дня. Рассказывает, что однажды видел волка, от усталости и отчаяния даже не почувствовал опасности. Обессиленный наткнулся на жилище чабана, от него узнал, что эти места – на границе с Чечней. Пастух приютит на две недели, пока парень не набрался сил, и попросил его уйти: сам рисковал. Но денег немного дал. Дальше был товарняк с мандаринами до Минвод, куда Саша добрался в последний день уходящего года. То ли горькая насмешка над загнанным беглецом, то ли знак надежды: по доброй традиции, встретил Новый год с мандаринами. Сразу – звонок домой: как там мама, отец, бабушки.

В Минводах он еще не решился раскрыться властям: помнил, что видел людей в милицмейской форме среди похитителей и их гостей, боялся, что на Кавказе до него еще могут дотянуться боевики. Новогоднюю ночь провел в подвезде жилого дома, предупредив по телефону Василия Катанэ: жду. Тот из Челябинска договорился с руководителем братства в Кабардино-Балкарии – те к утру первого января прибыли за Сашей в условленное место. Он вышел к ним, только когда услышал по телефону пароль, о котором предупредил Катанэ – никому больше не доверял. Отвезли его в село до приезда челябинцев.

Катанэ приехал не один – с

ним мужчины в чинах: без погон и личного влияния Сашу с Кавказа было не вывезти – у парня никаких документов. Добрались в Челябинск восьмого января – Смирновы уже ждали.

Первый визит там же, в Челябинске – к военному следователю. Написал объяснение – и домой. Военная прокуратура начала следствие, настаивает, чтобы солдат дослужил полгода. Саша готов, но семья уже не может спокойно отпустить его из города: кроме страха, что повторится или усугубится история плена, беспокоит душевное состояние парня. Хроническая бессонница и беспокойные сны, подавленное состояние – «ощущение пустоты», по собственному Сашину выражению. Сюда можно добавить наблюдения журналиста «ММ»: разговаривает парень без эмоций, при диалоге краснеют лицо и белки глаз, когда умолкает – возвращается нормальный цвет кожи. Давление, что ли, в его девятнадцатилетнем?

Вот как все закрутилось. А когда призвали на службу, Александр Смирнов радовался: учебка приучила к дисциплине, к ощущению единства, о дедовщине речи нет – офицеров больше, чем солдат. Теперь говорит: в жизни справедливости нет, и каждый сам за себя. «Здесь я преступник», – подытоживает Саша Смирнов. Положение у парня – не позавидуешь. Если армия решит, что ее солдат виноват – ему грозит тюремное заключение. Документы – паспорт, военный билет, личное дело – все еще в войсковой части. Реабилитация здоровья солдата не подлежит: участия в боевых действиях Саша не принимал – Дагестан не зона локальных конфликтов. Саше выписали направление на обследование

в военный госпиталь в Челябинске, но у него нет документов, дающих право на бесплатное довольствие – а во сколько обойдется ему проживание и питание в чужом городе во время госпитализации? В Магнитке есть госпиталь МВД – почему бы не направить парня на обследование в городе? Почему нельзя дослужить в Магнитке? Все эти вопросы семья адресовала кандидату в депутаты Законодательного собрания области, вице-президенту управляющей компании ММК по финансам и экономике Владимиру Шмакову. И не только потому, что живут в его округе, – Смирновы заработали пенсию на комбинате, а Саша начал с него трудовой путь – крановщиком в цехе изложниц.

Деятельность кандидата в депутаты обращения к правосудию не отменяет, но под таким весомым протестом меньше опасность ошибки: Владимир Шмаков взял дело под контроль и намерен организовать «круглый стол» с участием военкомата и военной прокуратуры. Со своей стороны, Сашину судьбу курирует магнитогорское «Боевое братство» – оно оформилось примерно в те дни, когда состоялся Сашин побег. Обращение к кандидату в депутаты – предложение Влада Третьяка: комбинатские программы поддержки материнства и детства, ветеранов и многодетных позволяют надеяться на внимание к попавшему в беду солдату. ММК постепенно расширяет сферу поддержки горожан. Если наш солдат оказался в числе социально уязвимых – ему помогут.

АЛЛА КАНЬШИНА.

P.S. «Магнитогорский металл» обязательно продолжит рассказ о судьбе Александра Смирнова.